

НИКИТА САЛЬНИКОВ

РЕЙТИНГ

Никита Сальников

Рейтинг

<https://litres.ru/74681528>

SelfPub; 2026

Аннотация

В городе, где у каждого человека есть число, рейтинг решает всё: в каком секторе ты живёшь, что ешь и сколько стоит твой вдох. Восемнадцатилетняя Ева Норт стоит в очереди у «Пункта перехода» с рейтингом минус сто сорок: сегодня система забирает её четырнадцатилетнюю сестру Лизу «в собственность» богатой семьи.

Чтобы вернуть сестру, Ева записывается в «Испытание» — телешоу, где участники отдают воспоминания, навыки и чувства в обмен на баллы, а победитель получает право выкупить одного человека. Но у шоу есть четвёртый этап, о котором не говорят вслух.

Роман о цене памяти, о тех, кого система объявила «неэффективными», и о том, что наступает после победы: свобода, как выясняется, требует от людей больше, чем порядок.

Содержание

Часть первая. Минус	7
Глава 1. Пункт перехода	7
Интерлюдия. Лиза	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Никита Сальников

Рейтинг

РЕЙТИНГ

роман

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. Минус

Глава 1. Пункт перехода

Интерлюдия. Лиза

Глава 2. Сектор G-7

Глава 3. Участник тридцатый

Глава 4. Три месяца

Глава 5. Академия

Глава 6. Держись за лицо

Глава 7. Изъятие

Глава 8. Срыв

Часть вторая. Академия

Глава 9. Обмен

Глава 10. Подвал

Глава 11. Первая

Глава 12. Бухгалтерия

Интерлюдия. Лиза

Глава 13. Крот

Часть третья. Аукцион

Глава 14. Лоты

Глава 15. Подвал

Глава 16. Предупреждение

Глава 17. Три часа ночи

Глава 18. Тринадцатый этаж

Глава 19. Терминал

Часть четвёртая. Контур

Глава 20. Тридцать секунд

Глава 21. Двое

Интерлюдия. Лиза

Глава 22. Имена

Глава 23. Ада

Глава 24. Запись

Часть пятая. Цена

Глава 25. Пуговица

Глава 26. Приют святого Луки

Глава 27. Склады

Глава 28. Мила

Глава 29. Люк

Глава 30. Давид

Глава 31. Зима

Глава 32. Часы

Глава 33. Тим

Глава 34. Аптека

Глава 35. Хлеб

Глава 36. Бумага

Глава 37. Ночной план

Глава 38. Шесть недель

Глава 39. Вода

Глава 40. Лицо

Глава 41. Суд

Глава 42. Нина

Глава 43. Урок слов

Глава 44. Накладная

Глава 45. Четверг

Глава 46. Дорога

Глава 47. Год

Глава 48. Слова

Часть шестая. После

Глава 49. Пять лет

Глава 50. Эпилог

Часть первая. Минус

Глава 1. Пункт перехода

Дождь начался утром и не кончался. Ева стояла в очереди у «Пункта перехода», натянув капюшон до бровей, и смотрела, как с вывески сползает вода. Буква «П» держалась на одном болте.

Очередь двигалась шагом в минуту. Впереди женщина прижимала к плечу ребёнка. Он плакал без звука, одним дыханием, чтобы не услышали камеры. Три кредита за плач. По лицу женщины было видно, что у неё нет и трёх.

Раньше здесь был банк. Мама приводила сюда Еву, когда рейтинг ещё не ушёл в минус. В холле пахло кофе и деньгами, а на мраморной колонне можно было сидеть, болтая ногами. «Здесь хранят свободу», — говорила мама, и Ева в шесть лет верила, что свобода лежит где-то в подвале, в мешках, и её надо просто вовремя забрать. Потом «Эдем» купил банк. Потом купил всё остальное. Мрамор вымыли дезинфекцией. Свободу, видимо, смыли вместе с ним.

Внутри коридор был белый. Не больничный: в больнице хотя бы пахнет лекарствами. Здесь не пахло ничем. Стены, пол и потолок одного ровного цвета, чтобы никто не мог сказать, где кончается одно и начинается другое.

Ева встала у стены под камерой и начала считать трещины на плитке. Семь. В третьей слева когда-то застряла монета, теперь от неё остался только зелёный след. Ева приходила сюда не в первый раз. «Око» забирало людей, и каждый раз кто-то из них был её.

Сначала старик с третьего этажа. Он держал на крыше голубей. «Незарегистрированный актив», — сказала «Око». Голубей забрали, потом забрали и его.

Потом женщина из соседнего контейнера, которая слишком громко кричала. Кредит за секунду крика. Она кричала минуту. Шестьдесят кредитов она не нашла.

Потом мальчик, ровесник Лизы.

Сегодня была Лиза.

— Ева. Посмотри на меня.

Ева не могла. Если посмотреть, придётся плакать. Если заплакать, камера запишет «эмоциональную нестабильность», это три кредита, а у неё минус четыре тысячи двести. Слезы были роскошью, на которую она не набрала.

— Ева.

Она посмотрела.

Лиза стояла в проёме белой двери. Серый халат висел на ней на два размера больше, рукава закатаны вдвое. Четырнадцать лет, а на вид двенадцать: острые ключицы, тонкие запястья, волосы, которые никто не расчёсывал три дня. Расчёска стоила два кредита. Двух у Евы не нашлось.

Рядом с ней стоял техник с планшетом. Худой, с обкусан-

ными ногтями, на левом запястье вытертый ремешок от часов, которых давно нет. Значок на груди показывал 580. Он не смотрел ни на одну из них, только на экран.

— Ты вернёшься, — сказала Ева. Это не было ложью. Это было заклинанием, и она знала разницу.

— Я знаю, — сказала Лиза и улыбнулась. У Лизы была улыбка, которой не место в этом мире: слишком светлая, слишком настоящая. — Ты меня всегда находишь. Помнишь парк?

Ева помнила.

Ей было девять, Лизе пять. Тогда ещё был парк, и у мамы ещё был рейтинг. Солнце пробивалось сквозь листву и оставляло на траве жёлтые пятна, мама сидела на скамейке с книгой. С настоящей, бумажной. Тогда за такие книги ещё только штрафовали. Потом «Око» объявило их неэффективным носителем информации и запретило совсем, и мама спрятала свою под половицу и читала Лизе по вечерам вполголоса. Про девочку, которая упала в кроличью нору.

Ева убежала вперёд, посмотреть на уток в пруду. Настоящих, живых. Обернулась, а Лизы нет.

Страх оказался холодным и острым, как игла. Она бежала по аллеям, кричала, спотыкалась о корни. Прохожие смотрели с осуждением, она видела, как у неё на запястье мигает счётчик: секунда крика, кредит. Слезы, три. За ту пробежку она потеряла почти сто. Мама потом ругалась. Не на неё, на систему, шёпотом, на кухне, с включённым краном.

Лизу Ева нашла у старого дуба. Та сидела на корточках и гладила рыжего худого котёнка с грязной шерстью. Котёнок был незарегистрированным активом, «Око» его не видело. Лиза видела.

— Он голодный, — сказала она. — Можно, я отдам ему бутерброд?

Ева засмеялась сквозь слёзы, подхватила сестру и держала, пока мама не подошла и не сказала, что Лиза сейчас задохнётся.

— Помню, — сказала Ева.

Из бокового прохода вышел человек в сером костюме. Она не заметила, как он оказался рядом. Лицо у него было такое же, как у всех «их»: гладкое, вежливое, отполированное. На лацкане горела цифра 980.

— Ева Норт. Ваша сестра переходит в собственность семьи Крамер в соответствии с законом о кредитном балансе. Вы имеете право на прощальный контакт продолжительностью тридцать секунд. Отсчёт начнётся после вашего согласия.

— Согласна.

Техник нажал на планшет. Ева шагнула вперёд, и Лиза оказалась в её руках. Под тонкой тканью быстро-быстро билось сердце. Лиза пахла мылом. Дорогим: его выдавали перед «переходом», чтобы «собственность» выглядела прилично. Пять кредитов за счёт покупателя.

— Не плачь, — сказала Лиза ей в плечо. — Ты сильная.

— Я не сильная. Я просто злая.

Лиза тихо засмеялась. Этот смех Ева будет слышать потом много лет. Он станет её топливом.

Она считала про себя. Десять. Двадцать. На двадцати пяти что-то в ней сжалось, она приготовилась к концу. Двадцать восемь. Тридцать.

Ничего не произошло.

— Связь с сервером, — сказал техник в пространство. Он смотрел на планшет, и палец у него дрожал над экраном. — Секунду.

Человек в сером костюме не повернул головы. Для него время не измерялось секундами. Ева чувствовала, как в плечо ей дышит Лиза, и считала дальше. Тридцать пять. Сорок. Сорок пять.

— Тридцать секунд истекли, — сказал техник и нажал.

Лиза отстранилась. Посмотрела на сестру. В её глазах не было страха. Только вера, абсолютная и невозможная, какая бывает у детей в то, что старшая всё исправит.

— Я буду ждать, — сказала она.

Дверь закрылась. Человек в костюме ушёл в боковой проход. Техник остался с планшетом, постоял, будто хотел что-то сказать. Ева встретила с ним взглядом. Он тут же опустил глаза.

— Олег, — сказал он тихо, почти в сторону. — Меня зовут Олег. Если что. Если вам когда-нибудь понадобится знать.

И ушёл следом за всеми.

Ева осталась одна в коридоре. Пересчитала трещины. Семь.

На улице дождь ещё шёл. Серое небо, серый асфальт, дронны над крышами, как мухи над мясом. Ева пошла вдоль стены «Пункта» и увидела старуху в сером платке. Та стояла у стены, сгорбившись, и держала в руках бумажную фотографию с обтрёпанными краями. На снимке был мальчик лет десяти. Худой, с улыбкой, в которой Ева с резью в груди узнала Лизину.

— Забрали? — спросила старуха.

Ева кивнула.

— Кого?

— Сестру.

— У меня сына, — сказала старуха. — Три года назад. Он был болен. Система написала: «Неэффективно». Я не знаю, где он. Знаю только, что он был. Я прихожу и смотрю на дверь. Вдруг выйдет.

— Не выйдет, — сказала Ева. — Они не выходят.

— Знаю. Но если я перестану приходить, это будет значить, что я его забыла. А я не хочу забывать, даже если больно. Особенно если больно.

Ева смотрела на неё. Дождь стекал ей за шиворот.

— Я свою найду, — сказала она.

— Как?

— Не знаю.

Старуха усмехнулась. Беззубо, криво.

— Тогда удачи. Тебе понадобится.

Домой, в сектор G-7, от Пункта было полчаса. По тротуару идти было дорого: «Око» брало плату за воздух в общественных местах, кредит в час. Обочина считалась технической зоной, там можно было дышать бесплатно. Там же можно было умереть бесплатно: грузовики «Эдема» не сворачивали.

Ева шла по обочине.

Интерлюдия. Лиза

Комната была белая, но окно было настоящим.

Лиза обнаружила это не сразу. Сначала она долго стояла посреди комнаты в халате, который ей выдали у «Пункта», и ждала, что кто-то скажет, что делать. Никто не говорил. Дверь закрылась с мягким щелчком. На стене светился экран, на экране крутились сменяющиеся картинки: сад, чайник, чья-то рука с цветком. Потом экран моргнул, и на нём появилась надпись: «Добро пожаловать, Лиза».

Она не хотела, чтобы здесь кто-то знал её имя. Но отвернуться было некуда.

Тогда она подошла к окну. За стеклом был сад. Деревья, настоящие, с листьями. На дорожке сидела птица и смотрела на неё одним глазом.

Лиза положила на подоконник ладонь. Стекло было тёплое.

Вечером пришёл мужчина. Не такой, как она представляла. Седой, в тёмной рубашке без галстука, с усталыми, слишком внимательными глазами. Он остановился в дверях и некоторое время ничего не говорил. Потом спросил:

— Как тебя зовут?

— Вы же знаете. Там написано.

— Я хочу услышать, как ты скажешь.

— Лиза.

Он вздрогнул. Совсем чуть-чуть, одними плечами. Лиза заметила, потому что всю жизнь замечала такие вещи: кто как вздохнул, у кого дрогнул уголок рта. Она не знала, что это ей пригодится.

— Лиза, — повторил мужчина. — Хорошо. Если тебе что-то нужно, скажи Аде.

Ада оказалась женщиной лет сорока в сером фартуке, с рейтингом на значке 410. Она принесла поднос: суп, хлеб, яблоко. Настоящее яблоко. Лиза никогда не держала такого целиком, только ломтиками, из пакета.

— Ешь, — сказала Ада. — Не бойся. Тут можно.

— А камеры?

Ада посмотрела на потолок. Там, в углу, мигал красный огонёк.

— Камеры слушают, — сказала она, будто о погоде. — Но не всё слышат. Они слышат громкое.

И села на край кровати, и стала складывать полотенце, которое складывать не требовалось. Говорила тихо, почти не открывая рта:

— Если тебе когда-нибудь станет совсем плохо, скажи мне одно слово. Только одно. «Помни». Я пойму.

Лиза не поняла. Но кивнула. Потом доела суп, а яблоко спрятала под подушку. Не потому что хотела есть, а потому что у неё никогда не было ничего, что принадлежало бы только ей.

Ночью она оторвала от халата кусок подола, длиной с ла-

донь. Нитки нашлись в швах. Иголки не было, но был кусочек стекла от разбитой пуговицы, острый, и этого хватило.

К утру у неё была кукла. Без лица. Лицо она решила пока не шить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.